

Г. Любарский

Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решку

Противоречия, сплошные противоречия – вот чем наполнены мнения людей о чиновниках. Гражданин хочет видеть чиновника законопослушным и ответственным. Действие чиновника – эффективным, сообразным, прозрачным и логичным. Основную задачу чиновника формулирует как неравнодушие, вхождение в заботы “маленького человека”, постоянную ему помощь, и вообще – человеческое отношение.

Гражданин обвиняет чиновника в неэффективности и взяточничестве, в отсутствии человеческого отношения (зависимости его от взяток)...

46% респондентов в ходе опроса ФОМа за 2004 год* заявили, что чиновники стали работать хуже, чем в советское время. “Нет, не хуже”, – возразили им 38%.

Чиновников ругают, как ругали всегда. Впрочем, мнения наших сограждан контрастны. В резких тенях теряется рассматриваемая фигура. Давайте установим еще один источник света – взгляд государства, стоящего за спиной любого чиновника, и в этом освещении попробуем рассмотреть, что есть современный чиновник.

Государство говорит законами, реформами, уложениями, методичками, концепциями “разъясняющих” кампаний информационного сопровождения новаций.

Вот пример из “Концепции информационного сопровождения федеральной программы” (2003): “...В силу незавершенности мероприятий по административной реформе и сохраняющейся отчужденности значительной части населения от процесса экономических и политических реформ, вокруг темы реформирования системы государственной службы сформировался целый ряд стереотипов восприятия”.

И что же за беда со стереотипами? А, вот: “...Недифференцированное восприятие чиновничества в обществе, отсутствие понятийного и психологического разделения общества на чиновничество разных уровней (федерального, регионального и муниципального)”. Замминистра, значит, путают с теткой из ЖЭКа.

“...Превращение в восприятии общества управленческого аппарата в главный тормоз на пути реализации реформ...” И дальше: “Происходит формирование устойчиво негативного образа управленца...” Что еще не так?

“...Медийное и психологическое сращивание ощущения неэффективности деятельности управленческого аппарата с понятием “коррупционность”, распространение мнения о незаинтересованности чиновничества в наведении порядка...” В общем, “мнения о чиновниках в обществе еще не сложились”.

“...Наличие тиражируемых опасений в среде государственных служащих относительно основных направлений... Возникновение в среде государственных служащих ощущения нестабильности своего положения...” Здесь пиарщики радеют о чиновниках.

Что же предполагает делать государство, чтобы все было не так плохо? “Задача: показать, что реформа системы государственной службы является важнейшим элементом укрепления российской государственности на новом этапе... Проект основывается на медийном сопровождении реальных успехов и достижений в реализации... программы реформирования системы государственной службы с целью повышения ее привлекательности”.

Между тем (и опросы – тому свидетельство), народ свято верит, что находится в чрезвычай-

* Опрос населения в семи субъектах РФ от 15–29 ноября 2004 года. Метод опроса – интервью по месту жительства. 7000 респондентов. Опрос проводился в рамках мониторинга общественного мнения по вопросам реформирования государственной службы.

ной зависимости от чиновников, что они им управляют. А чиновники свято верят, что они могут совершать управляющие воздействия, способные изменить настроения народа. Надо только найти правильный подход...

Со всех сторон – святая вера. И еще есть вера, что с одной стороны – с какой? – собрались тупицы и негодяи, не способные понять...

Обе стороны верят в эффективное управление – его ведь так не хватает... Если бы “те” наконец поняли, все было бы иначе. За верой в эффективное управление стоит мольба о понимании: ну поймите же, что мы хорошие, а вы так плохо о нас думаете... Кто это говорит? Народ? Чиновники?

Наш российский чиновник – фигура просто мифологическая. Сразу вспоминаются образы Гоголя и Щедрина. Ведь сотни лет этим проблемам, а выглядят как новые! Кое-что изменилось, но по большому счету – ведь на то же самое жалуемся.

Народ свято верит, что находится в чрезвычайной зависимости от чиновников. Чиновники свято верят, что они могут совершать управляющие воздействия, способные изменить настроения народа. Со всех сторон – святая вера

Сколько нужно чиновников?

Самый больной вопрос: сколько у нас чиновников? Кого ни спроси: много... И сократить их число хотят 81% россиян*, и по статистике выходит, что в современной России стало их в 1,8 раза больше, чем в СССР. А территория – поменее, а народу-то убавилось... Ах они, крапивное семя!

Там, где мифы поддерживает статистика, только она и может с ними справиться. В книге

Б.Н. Миронова “Социальная история России” приведена статистика по чиновничеству с конца XVII века. Все это время число чиновников росло, причем скорость увеличения управленческого аппарата почти всегда обгоняла скорость роста населения. На 1 000 жителей страны чиновников было: в конце XVII века – 0,39; XVIII – 0,57; в 1857 году – 2; в 1880 – 1,4; в 1897 – 1,24; в 1913 – 1,63. За весь императорский период истории России сокращение бюрократии произошло единственный раз – при Павле I.

Вот-вот! – можно радоваться: все как ожидалось. Так и хочется вставить: я же говорил! Но тут подлая статистика сообщает иное. Например, при Николае I чиновников в России (пересчет на 1 000 жителей) было меньше, чем в большинстве стран Западной Европы. Причем меньше раза в два – вот тебе и николаевская бюрократия! Да... Чиновники – они как деньги, только наоборот:

вечно кажется, что их слишком много. Только взглянув на соседа, можешь понять что-то о себе.

Как считать чиновников, ясности не было никогда. До революции к ним относили врачей и ветеринаров, после – из их числа исключали партработников; сейчас – присчитывают охрану, секретарш и шоферов с программами. Но оставим головную боль статистикам – нам бы хоть примерно прикинуть.

В СССР чиновников стало больше по сравнению с дореволюционными временами раз в пять – десять: на 1 000 жителей Союза в 1922 г. их было 5,2; в 1928 – 6,9; в 1940 – 9,5; в 1950 – 10,2; в 1985 – 8,7. А сейчас в России объем управленческого аппарата еще примерно раза в полтора больше, чем в СССР: в 2001 г. – 7 на тысячу жителей (извините, что цифры не сходятся, я же говорю – статистика...).

И опять: по данным на середину 1990-х, чиновников в России меньше (на тысячу жителей), чем в любой развитой стране Европы. Например, в 10 раз меньше, чем в Швеции. Так что, их у нас не хватает?.. Впрочем, в Польше чиновников меньше, чем у нас. Эх, нам бы образец какой – норму бы понять. Но нет нормы. В США чиновников в пять раз больше, чем у нас. И что – это норма?

Ну вот, мы их подсчитали. И миф об их крайней многочисленности съезжился – да, чиновников в России много и становится все больше, но если на другие страны смотреть, так мы чуть ли не отстаем...

Социальные характеристики чиновничества

А как оно вообще было? Что мы помним про историю чиновничества? Ежели мнения, то – “кувшинные рыла”, николаевские мундиры, “150 000 одних курьеров”, нескончаемые бумаги...

Пару слов об этой части мифа. Основные этапы развития бюрократии в России: Петр I – создание законодательного поля и специализация учреждений; Александр I – введение принципа разделения властей; судебная реформа 1864 г. Александра II и учреждение парламента

* Опрос населения в семи субъектах РФ от 15–29 ноября 2004 года.

в 1906 г., при Николае II, – это завершение разделения властей. А ведь недавно было, мы еще и переварить не успели...

Кто были чиновники? Составим образ. До 1860-х годов половина чиновников были дворянами. Ко времени революции чиновники наполовину самовоспроизводились – то есть выходили из семей чиновников. В СССР добрая их доля были членами КПСС...

Да, сильно менялось чиновничество: от “мундиров” и “курьеров” до тетечки из ЖЭКа... Впрочем, далеко не все чиновники – тетечки. Высшие должности российского бюрократического аппарата на 80% заняты мужчинами. Высший чиновник – одна из самых маскулинных профессий. Министры – они почти как десантники... А в низовом чиновничестве 80% – женщины. Причем каждая десятая – пенсионерка. Молодых – 20%.

Кстати, как у них там с возрастом? Больше половины чиновников у нас – со времен Брежнева и Горбачева, а на старших должностях доля “старослужащих” возрастает до 75%. Молодые – ельцинских-путинских времен – на младших должностях сидят. Ясное дело – чиновник растет выслугой лет. Старшие – они старшие и есть. Так что закономерно, но запомнить стоит.

Что касается образования чиновников, то треть из них – со средним. Остальные – с высшим. Естественников и математиков почти нет. Но много гуманитариев (не только экономисты с юристами, но и филологи – они в пресс-атташе годятся). Учителя. Кое-кто – с техническим образованием. Много – с сельскохозяйственным.

А как с организационной структурой? Раз чиновники, то, небось, пирамида, 150 000 курье-

ров с клерками... Как же! Армию вспомните, где на двух офицеров – один рядовой. В чиновничестве сейчас соотношение вышших – средних – младших чинов равно 1:2:1.

Отчего ромб вместо пирамиды? Средняя зарплата чиновни-

Кстати, попытки решения ужасают не меньше, чем сама проблема. С одной стороны – рассказы о волоките, взятках, произволе. А с другой? Народ против чиновников и хочет “Адольфа Виссарионовича Пиночета”

ков в 1990-х – примерно 3 000 рублей. Хочешь поддержать сотрудника – повысь зарплату, но деньги увязаны с должностью. Отсюда ergo – тянут вверх по чинам, чтоб хоть 500 надбавить.

Так, может, им зарплату поднять? А то неудобно – ведь там потому и полно пожилых, что молодежь в частные фирмы идет, не желает на 3 000 рублей. А откуда зарплату? Государство-то бедное... А другие как вывертываются? Так же. В Англии в 1990-х зарплата чиновников упала ниже средней по стране. И те же проблемы – кадровый застой: на верхних должностях сидят сколько могут, и критерии продвижения непрозрачны. Читай: блат, услуги, интриги...

Вот мы посмотрели на чиновников. Сначала подсветили их мнением населения – увидели правдивый силуэт. Куда правдивее – народ говорит... Потом подсветили их мнением государства – проявился рельеф. А потом подсветили историей – и обнаружилось что-то реальное.

Чиновники о своей работе

Что же это за дела такие, когда сотни лет не решить проблему, отравляющую жизнь?.. Кстати, попытки решения ужасают не меньше, чем

сама проблема. С одной стороны – рассказы о волоките, взятках, произволе. А с другой? Народ против чиновников хочет “Адольфа Виссарионовича Пиночета” (высказывание одного из участников фокус-группы): крови, расстрелов, отрубания рук... Крови!

А теперь давайте спросим самих чиновников, как им живется...

При опросах молодых чиновников (Магун, Брим с соавт.) выяснилось, *что* им нравится в работе: общаться с коллегами и когда работа интересная. Не нравится же – низкий заработок, напряженность труда и постоянные переработки.

Почему же они работают, при низких-то зарплатах? Насколько можно понять, для многих это мостик для перехода в статусные коммерческие структуры. Временно они тут, пока опыт не накопится, да знакомства не подберутся. Старым брежневским волкам нет смены.

А на что молодые чиновники не обращают внимания в своей работе? На соответствие работы законодательству, на ее результат, на степень полезности своих действий для населения и для страны... Именно поэтому они крайне мало чувствительны к моральным стимулам: для них очень малое значение имеет престиж должности, организации и госслужбы. Отсюда ясно, что кампания по повышению престижа госслужбы и чиновников – это *игра* государства, а не внутреннее требование чиновников. Это – по бедности: денег нет – отдаримся

престижем. А чиновники молча намекают: советов не надо, лучше помогите материально.

В чем проблемы у самих чиновников? Не вовне – с “клиентами” (населением), – а внутри: лишние бумажки, низкая компьютеризированность, старые организационные формы, чужие недоработки. Как всегда и везде, у любой организации.

Интересно, как из этих проблем выкручиваются другие страны? Почти везде у госслужащих зарплата меньше, чем в частных фирмах. Зато им дают социальные льготы: медобслуживание, льготные отпуска, пенсии выше, гарантированное... Почему

Кампания по повышению престижа госслужбы и чиновников – это игра государства. Это – по бедности: денег нет, дадим престижем, говорит государство, а чиновники молча намекают: советов не надо, лучше помогите материально

у нас не получается на это дать? Нетрудно ответить. Наше общество нестабильно: в медобслуживание мы не верим, а отсроченные блага не в цене. Сейчас важнее зарплата в руки, чем пенсия через 35 лет. Кто ее будет платить? И кому? Дожить надо.

Вот так. Молодые чиновники – они совсем такие, как мы. На младших постах стаж работы – от года до пяти. И видно, как из условий работы и общечеловеческих устремлений кристаллизуются равнодушные к просьбам населения, к нуждам страны, к главенству закона, приоритет материальной заинтересованности, желание уйти в коммерческие структуры, обзаведясь знакомствами.

Причем это недостатки “идеального” чиновника. А ведь надо еще учитывать, что даже “идеальный” имеет корпоративные интересы, – и молиться, чтобы эти интересы совпадали с интереса-

ми хотя бы государства, не говоря уже о народе!..

Публичное и приватное: где место чиновника?

Как нам выйти за пределы веры и неверия, отчаяния и упорства? Может быть, поможет какая-нибудь теория?

Область правовых отношений – та, где свободные равные граждане, осознавая конфликты личных интересов, договариваются о правилах поведения, которым обязаны следовать все.

Чиновничество есть механизм, призванный осуществлять надзор за исполнением этих правил. И еще – чиновники сами часть

этого механизма. Чиновничество – это правило государственной жизни. Хотелось бы сказать – “живое правило”, но сказано – “механизм”, значит, правило не очень живое. Чиновники – кости государства.

Граница государства, граница права проходит не только через равнины и реки, она проходит внутри каждого человека. В каждом есть приватное – и тем самым негосударственное и неправовое, куда совать нос государству и праву запрещено.

Где граница приватности? Это же не решено, это надо решить. Может быть, нельзя считать деньги в чужом кармане? Тогда нельзя сопоставлять доходы и расходы чиновников, чтобы выяснить, кто живет не по средствам. Может быть, вера человека не подлежит контролю? Тогда религия не должна быть поддерживаемой государством. Может быть, госу-

дарству нельзя заглядывать к гражданам в спальню? Может быть. Если мы с этим согласны.

Есть публичное – где человек живет в гражданском обществе. Это совсем не приватная сфера – но и не государственная. А есть в человеке и государство – там, где ему не позволено нарушать законы, там, где за его действиями могут последовать насилие и кара.

В мире теории свои горести – мы пока не можем и вдвоем договориться, а о всеобщем договоре свободных и равных, том договоре, который подразумевает право, нечего и мечтать. А жить-то надо. И потому мы живем по законам, под которыми не подписывались. Так, как жизнь выучила – не нас, так предков, – лучше плохой закон, чем беззаконие. Смуты – ответы на деспотизм абсолютной власти; тирания – разрешение, данное народом тирану после урока смуты. Иван Грозный пользовался тем, что народ очень хорошо выучил при его дедах и не успел забыть. Смута конца XVI–начала XVII века – последствие власти Ивана. Революции начала XX века произошли потому, что до этого три поколения жили спокойно и захотели свою жизнь сразу изменить. Советский режим стоял, потому что гражданская война научила... Есть и такое прочтение русской истории. Что ж, в нем свои ошибки и своя правда. Нынешний рейтинг Путина – ответ на безвластие 90-х. А девяностые – ответ на Сталина.

Может быть, надо оглянуться по сторонам? Другие страны ведь тоже как-то решают схожие проблемы.

Вот отрывок из типичного разговора наших сограждан: на Западе, в Америке – сплошное доносительство, у русского человека возникает чувство гадливости, когда вокруг бес-

стыдно стучат. Доносительство у нас не приветствуется. И вместе с тем у нас изумительное для Запада беззаконие и коррупция. Связаны ли эти вещи? Там стучат, потому что закон – “свой”. У нас стучать нельзя, потому что он – “чужой”. Власть и закон в России не ощущаются народом как “свой”; и, как неприятное необходимое следствие, у нас проблемы с демократией и законностью. А у них демокра-

тии и законности поболее, и стук нравственно узаконен. Демократия доносительна?

Ответа нет. То, что одни назовут законопослушанием, другие – доносом. Что же, демократия законопослушна в той же мере, в какой доносительна? Если нечто называть “законностью и ее поддержанием”, то слову “стук” нет места. Но слово есть...

Сравним хотя бы Америку с Францией – любимый пример

со времен Токвиля. Право и приватность для граждан этих стран разграничиваются по-разному: можно сказать, что во француза государство проникло глубже, чем в американца.

Но ведь все еще сложнее. В той же Европе сравнить Францию и Германию – и опять разница. В немцев, похоже, глубоко залез закон, а государство проникло не так глубоко. С французами – наоборот. Вообще, в случае с каж-

Зарплата: “по ведомости” и “в конверте”

Борьба государства за то, чтобы все работающие получали исключительно “белую” зарплату, судя по данным наших опросов, пока не приносит заметных успехов. Если в 2001 году, согласно этим данным, полностью или частично получали заработанные деньги неофициально, “в конверте”, 8% россиян (или 15% от всех работающих), то и в 2005 году их доля осталась прежней (9%, или 17% от всех работающих). Особенно такая практика распространена в больших городах (17% жителей, или 34% от всех занятых, получают здесь зарплату “в конвертах”).

Около половины участников недавнего опроса (48%) говорят, что негативно относятся к неофициальной оплате труда. Одобряют ее 15% опро-

Отношение к оплате труда “в конвертах”	Не работают	Получают зарплату	
		всю официально	всю или часть неофициально
Одобрят	11	15	30
Безразличны	24	22	15
Не одобряют	46	52	47

шенных (остальные заявляют, что им это безразлично, либо затрудняются с ответом). Но представители наиболее ресурсных социально-демографических групп чаще других с одобрением отзываются о практике выплаты зарплаты неофициально: среди молодежи – 24%, среди респондентов с высшим образованием – 22%, среди лиц с относительно высокими доходами – 20%. Особенно же часто, как видно из таблицы, заявляют о положительном отношении к этой практике сами получатели “серого нала” (данные в %).

Абсолютное большинство россиян полагают, что

работающим выгоднее получать зарплату официально, по ведомости (57%). Всего 13% опрошенных считают, что работнику выгоднее полностью или частично получать ее неофициально, “в конверте”. Вместе с тем, по мнению половины респондентов (49%), в случае конфликта с работодателем работники не смогут настоять на

своем, если захотят получить “белую” зарплату. Уверенность в том, что им это по силам, выражается вдвое реже (25%). Причем сами получатели “серого нала” гораздо чаще, чем респонденты в целом, считают безуспешными попытки бороться с практикой выплаты зарплат “в конвертах” (69%).

Анна Петрова

Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства. 25–26 июня 2005 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

дым демократическим, законопослушным народом, какой ни возьми, соотношение личного и государственного в человеке иное, и внешние, социальные государственные службы везде устроены по-своему. А как в России?

Отвечали на этот вопрос многие, и ответов набралось немало. Ну вот хотя бы такой: россияне – народ внегосударственный. Люди в России очень отчужденно относятся к государству, власти, праву – и к чиновничеству. И именно из-за отчужденности, внутренней непричастности к власти, согласны терпеть “необходимое зло”. Американец тянется подправить покосившееся право – чай, свое, не чужое, а россиянин отстраня-

Люди согласны иметь таких чиновников – и готовы их вешать, для борьбы с ними согласны хоть на фашизм, и сами стремятся устроиться на хлебное место, причем под “хлебным” подразумевается отнюдь не зарплата (70–80% респондентов считают, что профессия чиновника сейчас престижна; примерно 50% имеют близких и друзей, которые охотно пошли бы в чиновники). И чиновники – такие, какие могут быть у такого народа: вороватые слуги под масками “государевых людей”. Если быть “ближе к людским нуждам”, будет сплошной блат – и прощай эффективность, рациональность, законность. Если быть честным

Если в процессе реформирования принимаются дурацкие решения – это наши дурацкие решения. И если народ к этой реформе относится без понимания – это наше непонимание

ется: все одно – хорошо не поправишь, *право добрым не бывает*. Так пусть уж лежит нетронутое, как есть.

Что же, в конце концов, можно сделать?

Противоречие, нестерпимое противоречие... Зло невозможно терпеть – и его невозможно исправить. Чиновники работают не так, как мы хотим, потому что мы хотим от них взаимоисключающих действий – и они хотят от нас странного. Зло нетерпимо и оправданно; чиновник с бездушными глазами – враг человека, но его место – желанная ступень в карьере сына. Омерзительно, что они “берут”, но, если бы на их месте оказались мы, – дураками были бы, если б не брали.

чиновником, будешь бездушной машиной, которую все осуждают, и притом – дураком, который не берет, когда дают.

Вспомним – что люди считают недостатками чиновника? Не помогает, неэффективен, не входит в положение, взяточник... А давайте посмотрим на государственную структуру управления глазами историка, выводя общую линию ее развития.

Итак, недостатки российской государственной системы.

Во-первых, недостаточная скоординированность работы разных учреждений. Причина: центральная власть всегда стремилась оставить за собой руководство. Если этот недостаток исправить (что трудно), чиновничество будет более независимым от изби-

раемой центральной власти. Народ этого хочет?

Во-вторых, совмещение разных ветвей власти в одном учреждении. Причина: управление ориентировано не на форму власти, а на предмет управления. Если это исправить (что трудно), чиновничество будет более формальным, менее понятным населению. Народ этого хочет?

В-третьих, слабость контроля над чиновничеством. Причина: общие принципы организации госаппарата, которым прокуратура подчинена в той же степени, что и контролируемые ею органы. Если исправить данный недостаток (что трудно), власть потеснится перед законом, организация станет формальнее, чиновничество будет более независимым от избираемой центральной власти. Народ этого хочет?

Всюду клин

Теоретики, известное дело, со своими мыслями далеки от живой жизни. А что предлагает народ?

Контроль, неусыпный контроль, проверки и ревизии... Пробовали. “Ревизор” – контролируют другие чиновники, которые взятки берут в гораздо большем размере. Народный контроль? Пробовали. Либо опять блат и взятки, либо, опять же, жалобы по начальству.

Увеличить престиж профессии чиновника и поднять госслужащим зарплаты, чтобы не брали взяток? Пробовали, и не раз... Вообще-то, элементарные рассуждения показывают, что это приведет лишь к увеличению суммы взяток. Народ же, опрашиваемый прямо по месту проведения “реформы госслужбы”*, сообщил,

* Опрос населения в семи субъектах РФ от 15–29 ноября 2004 года.

что повышение зарплат приведет к привлечению в госструктуры более квалифицированных кадров (46%), и в то же время – что уровень коррупции среди чиновников не снизится (72%). Повысить квалификацию посредством подъема зарплат надо бы, только к взяткам это не имеет никакого отношения. Берут же не по бедности, а оттого, что взять можно. Так отчего же не взять?..

Прозрачность законов? Можно устроить по-разному. Один путь – всевластная лига юристов-адвокатов, которые одни разбираются в хитросплетении законов. Но есть у нас сомнения, что адвокатура по-американски в России придется по сердцу. Другой путь – ясные, простые законы, понятные и известные каждому человеку. Однако это – недифференцированность и жесткость законов, подминание жизни со всеми ее сложностями под навязанную простоту. Это – такой выход, когда всем одинаково плохо (кроме очень немногих, кому совсем не плохо). Зато всем не так обидно. Если отрубать руку за любое воровство – хоть за копейку, хоть за миллиард, – так ведь все будем колчерукие.

Какое решение ни возьми – плохое. Что же можно сделать? Чем можно помочь народу, чувствующему рабскую зависимость от чиновников (это 58% россиян*), и той части этого народа, которая пошла служить государству (их примерно процентов пять)?

Самое печальное, что волшебника, который бы разрулил ситуацию каким-то оригинальным

способом, не существует. Придется идти скучной дорогой – придумывать оригинальный способ самим. Придется учиться у Запада, не перенимая конкретных форм. Придется понять, что чиновничество во Франции, Германии, США – совсем разное и играет в каждой стране особую роль. И поэтому нельзя просто “скопировать” все на шведский, аргентинский или американский манер. Придется учиться творению форм государственно-правовой жизни, форм, которые бы подходили именно нам. Таким, какие мы есть, – и какими нам придется себя сделать. Или будем отрубать себе руки – других вариантов нет.

А как же это творчество нормальных – для нас – форм будет называться? “Программа реформирования системы государственной службы”? В частности – та самая, которая идет сейчас? Что ж, если в процессе этого реформирования принимаются дурацкие решения – это наши дурацкие решения. И если народ к этой реформе относится без понимания – это наше непонимание.

А может быть... – Да, вот это попробуйте

А может быть, задача окажется значительно глобальнее, нежели то, что можно втиснуть в рамки любой “программы реформирования...”. Много раз использованные домашние средства вроде государственной кампании в СМИ, придания особых полномочий “государевым людям” или повышения оным денежного довольствия принципиально ничего не изменят. Придется думать.

Может быть, сферу государственного управления придется кардинально сократить: ряд функций регистрации передать структурам частным, работниками которых “людьми государевыми” уже не будут. Тогда и населению придется устраиваться в жизни самому, без отеческой государственной опеки. А опеки от частника ждать и в голову никому не придет... Ведь так? Придется каждому внутри себя отчетливее провести границу – где в нем расположена приватность, где публичность, а где дозволяется быть государству. И пусть здесь разбираются социологи вместе с социально ответственными чиновниками – основательно и без спешки.

Но до конца разойтись с государством нет возможности. Так что, какие бы глобальные реформы всего общества мы ни начали, как бы ни устраивали свое, российское право и государство, все равно придется взаимодействовать с этим неистребимым племенем чиновников, которые, при всем ужасе, ими вызываемом, – просто одни из нас. ■

Литература

- Кертман Г.* Лицом к лицу с чиновником // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 287–299.
- Магун В., Брим Р. с соавт.* Молодые специалисты на российской государственной и муниципальной службе. М., 2003.
- Миронов Б.* Социальная история России. Т. 2. СПб., 2003.
- Реформирование государственной службы Российской Федерации.* Концепция информационного сопровождения федеральной программы. М.: КРОС, 2003.

* Общероссийский опрос населения от 5–6 августа 2000 года в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик всех экономико-географических зон страны. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 1500 респондентов.